

И.Ю.Окунев

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Ключевые слова: российская государственность, центр, периферия, полупериферия, межрегиональная дифференциация

Россия — страна невероятно большая и разнообразная и вместе с тем чрезвычайно централизованная. Как правило, этноконфессиональная, социально-экономическая и политическая дифференциация приводит к децентрализации политико-территориального устройства страны, к нарастанию центробежных сил и нивелированию разницы между центром и периферией. Федеративное устройство является в таком случае фактором, препятствующим монополизации центром политических процессов¹. Однако в России почти всегда происходило ровно наоборот: чем обширнее и многообразнее становилась страна, тем сильнее оказывался центр и диспропорции регионального развития в его пользу. Этот парадокс наводит на мысль, что при формировании российской государственности подобная межрегиональная дифференциация и доминирование центра играли ключевую роль. В настоящей статье предлагается гипотеза, основанная на политико-географическом методе, которая, на наш взгляд, объясняет истоки такого положения вещей.

¹ Богатуров
[Bogaturov] (ред.)
2012: 44.

**Внутренний
«Другой»
как третий
механизм
государственного
строительства**

Традиционно выделяются два главных территориальных основания формирования государственности: национальное строительство и угрозы безопасности² или, другими словами, маркирование ментальных границ сообщества «Мы» и актуализация «Других»³. Процесс национального строительства связывает территориально обособленную культурную общность с зарождающимися политическими институтами, что позволяет населению выступить источником легитимности будущего государства⁴. Если национальное строительство представляет собой внутреннюю основу становления государственности, то внешней выступают угрозы безопасности, точнее, дискурс о них, который формирует образ «Других», на противопоставлении себя которым и складывается нация. Помимо политических границ, новому образованию нужны границы идентичности, которые создаются за счет осознания угроз извне. Кроме того, угрозы безопасности мобилизуют население, тем

² Kuus, Agnew 2008:
99—100.

³ Тимофеев
[Timofeev] 2008.

⁴ Yack 2001.

⁵ Campbell 1998.

самым значительно ускоряя внутреннюю легитимацию данного образования⁵. Т.Х.Эриксен обозначил эти два механизма как «мы-признак» («*we-hood*», общая идентичность и общая миссия) и «нас-признак» («*us-hood*», противопоставление реальному или воображаемому внешнему врагу)⁶.

⁶ Ekirsen 1995: 427.

Необходимо заметить, что в обоих механизмах партикуляризм (как главный вызов государственности — выделение себя среди других) имеет четко выраженную географическую основу. Ключевым признаком национального самосознания становится именно принадлежность к некоей «исконной» территории, которая оказывается важнее этноконфессиональной общности или социально-экономического единства. Последние хотя и осознаются лучше, но в начальный период нацистроительства не так гомогенны, как на позднейших этапах, когда они начинают превалировать над фактором автохтонности территории. Иначе говоря, «мы» и «они» могут быть нанесены на карту, даже если точно определить, кто «мы», а кто «они», пока не получается. Это, в частности, объясняет, почему территории, утратившие этническую самобытность, продолжают сохранять миф о собственном партикуляризме (Корнуолл в Англии, Истрия в Хорватии, Ингерманландия в России и др.).

И все же эти два механизма не в состоянии с достаточной степенью адекватности объяснить процессы государственного строительства. Исходя из описанных принципов, должны формироваться исключительно гомогенные нации, основанные на понимании своей общности (в первую очередь территориальной) и инаковости по отношению к внешним силам. Однако почти любое государство оказывается гетерогенным и неравномерно развитым: в Италии и США промышленному северу противостоит сельскохозяйственный юг, в Германии и Украине различия пролегают по линии запад—восток, во Франции и Англии районы вокруг столицы более развиты, чем расположенные ближе к окраинам, и т.д. В логике двух механизмов государственного строительства соответствующие части страны должны обособляться (вплоть до отделения), вырабатывая собственное региональное самосознание и противопоставляя себя другим частям. В ряде случаев так и произошло — от Нидерландов, приняв католицизм, отделились фламандцы, промышленная Чехия разошлась с сельскохозяйственной Словакией и т.д. В одной из своих предыдущих работ мы проанализировали природу такого продолжающегося дробления, связав его с балансированием территорий между окружающими центрами силы⁷. Но если бы действовали только два упомянутых механизма, процесс дробления политической карты мира и расщепления наций шел бы непрерывно, чего, как мы знаем, не наблюдается.

⁷ Окунев [Okunev] 2011.

Наличие в каждой стране устойчивых центр-периферийных отношений наводит на мысль о существовании третьего механизма государственного строительства — внутреннего «Другого». Процесс межрегиональной дифференциации в рамках государства через создание и поддержание внутренних ментальных границ между центром и периферией

позволяет выявлять территории, нуждающиеся в специальных мерах, направленных на сохранение их соответствия национальным нормам, а тем самым — и государственности⁸. У данного механизма имеются два измерения: геохронополитическое и конструктивистское.

⁸ Yiftahel 1998: 37.

Геохронополитическое измерение означает, что центр-периферийные отношения являются географической проекцией хронополитических (временных) различий. Общество дифференцирует пространство через дихотомию современного и отсталого⁹. На основе восприятия истории в духе модерна как линейного движения от Дикости к Современности за одними регионами закрепляется статус современных, или развитых, в то время как другие осмысляются в качестве отсталых. Но развитость может определяться только в противопоставлении с отсталостью, и наоборот. Такая геохронополитическая дифференциация действует и на международном («развитый Запад/Север» — «третий мир»), и на внутригосударственном уровне. Создание и поддержание внутренних ментальных границ между центром и периферией обычно позволяет центру ощущать себя развитым, а периферии осознавать свою отсталость, то есть необходимость следовать колее более передового центра.

⁹ Agnew 2003: 36.

Конструктивистское измерение предлагает критическая (в терминологии В.А.Колосова — дискурсивная¹⁰) геополитика. По мнению К.Джонсона и А.Коулман, «указание центром на экономически и культурно более слабый регион объединяет оставшуюся часть этого государства за счет создания мифа, демонстрирующего величие национальных идеалов и опасность уклонения от них»¹¹. Авторы находят параллели между мифом о внутреннем «Другом» и представлениями о Востоке, описанными Э.Саидом в «Ориентализме»¹². Подобно тому как мистический, экзотический, не поддающийся контролю и неразвитый Восток был создан европейцами до полноценного знакомства с ним посредством дискурса, противопоставлявшего Восток Западу, внутренний «Другой» «вначале оказывается подчинен, благодаря внутреннему колониализму, а затем ему приписываются отрицательные характеристики — например, культурная или моральная отсталость, коренящаяся в его колониальном положении»¹³. Представления об отсталости периферии можно считать мифом о внутреннем ориентализме.

¹⁰ Колосов, Зотова [Kolosov, Zotova] 2012: 170.

¹¹ Джонсон, Коулман [Johnson, Coleman] 2012: 111.

¹² Said 1978.

¹³ Джонсон, Коулман [Johnson, Coleman] 2012: 112.

¹⁴ См., напр. Бусыгина [Busygina] 2006, Туровский [Turovskij] 2007.

Центр-периферийным отношениям посвящена обширная литература¹⁴, однако в исследовании данных отношений в качестве механизма государственного строительства, на наш взгляд, еще есть лакуны. Кроме того, межрегиональная дифференциация обычно рассматривается как негативное явление, от которого государству рекомендуют «избавиться», что оставляет в тени изучение процесса продуцирования мифа о такой дифференциации как необходимого условия поддержания единства страны.

Ключевой вопрос здесь — где предел эффективности подобной маргинализации (пусть и не всегда сознательной) центром периферии, после которого периферия начинает тяготеть к сепаратизму?

¹⁵ *Hirshman 1970, Rokkan 1974.*

¹⁶ *Роккан [Rokkan] 1973: 53.*

¹⁷ *Мелешкина [Meleshkina] 2012: 37.*

В поисках ответа на него можно, вслед за С.Рокканом, обратиться к понятию «выход», использованному А.Хиршманом для описания стратегии индивидуального экономического поведения¹⁵. В европейском «поясе городов» на границе романской и германской культурных идентичностей возможностей «выхода» было много: помимо тяготения к великим центрам, окружавшим регион со всех сторон (Англия, Франция, Германия, Австрия, Италия), были варианты присоединения к буферным государствам (Швейцария, Нидерланды) или образования собственного (Люксембург, Лихтенштейн). Это обусловило острую конкуренцию за данные территории и, соответственно, высокий уровень их автономности: стратегия внутренней маргинализации в такой среде бы не сработала. Ситуация была стабилизирована протестантской реформацией, которая перекрыла каналы культурного «выхода», создав условия для централизации государств¹⁶. Противоположным примером могут служить осколки Золотой Орды в России, возможности для «выхода» которых были значительно уже. Как замечает Е.Ю.Мелешкина, чем выше контроль над границами («выходом»), тем легче иерархическим структурам стабилизировать и легитимировать свои доминирующие позиции¹⁷.

Как будет показано ниже, внутренний ориентализм играл ключевую роль в становлении российской государственности. Конечно, сложная модель политико-территориального устройства России не сводится к подавлению центром внутреннего «Другого». Даже при слабой возможности «выхода» такая стратегия в чистом виде не смогла бы обеспечить единство страны, протянувшейся от Балтийского до Японского моря. На наш взгляд, на разных исторических этапах при формировании в России централизованного государства активно задействовались все три механизма: национальное строительство («мы-признак»), мобилизация через угрозы безопасности («нас-признак», внешний «Другой») и внутренняя дифференциация (внутренний «Другой»). Тем не менее для решения поставленной в настоящей работе задачи целесообразно сосредоточить внимание на третьем механизме.

Для формирования и удержания межрегиональной дифференциации (и в хронополитическом, и в конструктивистском измерении) российский центр задействует стратегию выделения и поддержки полупериферии. Данный термин, введенный И.Валлерстайном, был использован им для объяснения межгосударственных отношений, однако, по нашему мнению, его можно применить и при анализе политико-территориальной структуры отдельной страны.

Напомним, что в мир-системе Валлерстайна полупериферия играет двоякую роль: с одной стороны, она смягчает политическое давление периферии на ядро (выступает своеобразным буфером), с другой — обеспечивает экономический обмен между ними¹⁸. Добавим, что поддержка центром полупериферии порождает у периферии надежду на такое же отношение к себе, тем самым удерживая ее в орбите центра. Несмотря на во многом обоснованную критику идей Валлерстайна¹⁹, его концепция

¹⁸ *Wallerstein 1974: 349—350.*

¹⁹ *См., напр. Эстевауд [Estewood] 2009.*

полупериферии в целом позволяет углубить понимание природы политических процессов.

Структуру любой страны, таким образом, можно представить в виде схемы «центр — полупериферия — периферия». Полупериферия может быть как естественной, то есть возникшей под воздействием объективных социоэкономических предпосылок, так и искусственной, то есть созданной центром для решения специфических геополитических задач, в том числе продуцирования мифа о внутреннем «Другом». Историю российской государственности, на наш взгляд, правомерно интерпретировать как процесс периодического искусственного воспроизводства полупериферии, закреплявшего ментальные границы внутреннего «Другого».

**Процесс
воспроизводства
внутренней
российской
полупериферии**

Российская государственность сама по себе имеет периферийное происхождение. Великая русская равнина была глубокой периферией как для Западной Европы, так и, что важнее, для Константинополя и викингов, чья совместная торговля через балтийско-черноморские речные бассейны создала пространство для экономической централизации восточнославянских племен в IX в. Киевская Русь, прародитель русского государства, складывалась на противопоставлении себя в первую очередь двум центрам, от которых зависела экономически, — северного в Скандинавии и южного в Византии.

Центр формирования русского государства оказался во вторичной периферии, окраинной даже для Киева, — на территории так называемого ополья, или залесья (нынешние Владимирская и Ярославская области и северо-восточная часть Московской). Среди множества причин переноса сюда ядра русской государственности отмечают и сложившийся в этих местах средневековый климатический оптимум²⁰, и барьерную функцию брянских (или дебрянских — от «дебри») лесов, отчасти оберегавших находившиеся за ними (в залестье относительно Киева, отсюда — Переславль-Залесский) территории от разрушительных набегов татаро-монголов²¹, и границу природных зон (смешанных лесов и тайги), окаймлявшую ядро с севера и способствовавшую взаимодействию между разными типами хозяйствования²². Так или иначе, случилось то, что многократно происходило в истории: новый виток развития начался на периферии бывшей империи («пояс городов» — бывшее пограничье Римской империи, США — периферия Британской империи, Санкт-Петербург — новая столица на периферии Московии и др.). Находясь на стыке культур и типов хозяйствования, пограничные районы агрегируют новации всех своих соседей и при переходе на новый этап развития оказываются более конкурентоспособными применительно к ядру.

В геополитическом отношении новое ядро было выгоднее старого. Во-первых, оно располагалось в центре огромной равнины, в потенциале дававшей возможность контролировать несметные ресурсы,

²⁰ Макаров
[Makarov] 2009.

²¹ Тихомиров
[Tikhomirov] 1979:
123.

²² Лазаревич
[Lazarevich] 2005.

²³ Гумилев
[Gumilev] 2001.

и, главное, как и в случае с линией разграничения романской и германской культурных общностей, породившей европейский «пояс городов», на цивилизационной границе славян, финно-угров и тюрков. Не случайно Л.Н.Гумилев считал русскую нацию соединением славянского и тюркского этнических элементов²³. Если добавить еще и финно-угров и указать, что подобное слияние началось на территории Владимирской Руси, то с этим утверждением можно согласиться.

²⁴ Рогачев
[Rogachev] 2005.

И все же русское ядро сложилось не вокруг Владимира, Суздаля или Ростова Великого, а вокруг незначительного на тот момент поселения Москва. С чем это было связано? Как отмечает С.В.Рогачев, Москва находится в точке максимального сближения Волги и Оки, что позволило ей контролировать перевал грузов из одной речной системы в другую и тем самым стать экономическим ядром Волго-Окской Руси²⁴. Действительно, после Нижнего Новгорода Волга уходит на север к Костроме и Рыбинску, а Ока — на юг к Рязани, но затем реки как бы поворачивают друг к другу и максимально сходятся между Дубной и Коломной, чтобы потом опять разойтись: Волга — к Твери, а Ока — к Орлу. В какой-то момент во Владимирской Руси смещается геополитическое позиционирование: княжества перестают осмыслять себя в рамках залесской дихотомии Киевской Руси и, соответственно, стремятся разместить свои центры глубже в залестье, ближе к окаймляющей Русскую равнину Волге. Залесские образования начинают воспринимать себя как общность, противопоставленную в том числе и степной южной Руси. Как следствие, периферийное сознание замещается ядерным, влекущим за собой необходимость укрепления собственной государственности в Волго-Окской нише, географическим центром которой выступает Москва. В этом контексте выглядит вполне закономерным, что первыми в состав Московского княжества вошли земли к северу и югу от ядра — в направлении речных артерий Оки (Коломна, в 1301 г., то есть буквально через четверть века после выделения отдельного Московского княжества, отобранная у Рязани) и Волги (Угличское княжество, купленное в 1328 г.).

К концу XV в. централизованное московское государство заняло почти всю Волго-Окскую нишу. Отношения между Москвой и присоединенными землями носили классический центр-периферийный характер, однако для дальнейшего расширения требовалась более сложная политико-территориальная структура.

²⁵ Беляков
[Beljakov] 2007.

Прекрасным примером стратегии выхода Московского княжества за пределы Волго-Окской ниши может служить история Касимовского ханства. В середине XV в. московские князья выделяют татарам часть нынешней Рязанской области для создания вассального ханства²⁵. В городе Касимове (тоже, кстати, расположенном на берегах Оки) до сих пор сохранились самые старые на территории центральной России татарские мечети, мавзолеи и кладбища. Ханство просуществовало вплоть до конца XVII в., став одной из первых русских полупериферий.

На наш взгляд, у подобной модели было по меньшей мере два преимущества. Во-первых, создание на колонизируемых землях менее централизованных территорий и их вассалитет сокращали, по Роккану, потенциал «выхода». Во-вторых, что важнее, полупериферия становилась буферной зоной российской колонизации и создавала у других территорий привлекательный образ российского государства.

Необходимо отметить, что по мере роста страны полупериферия часто переходила в периферию. Так, после присоединения Казанского и Астраханского ханств постепенно сходит на нет полупериферийная функция Касимова.

Помимо Касимова, в роли полупериферий первой волны выступали на западе Псковская республика (вассалитет с 1348 г., автономия в 1399—1510 гг.) и Смоленское великое княжество (вассалитет в 1355—1386 гг.), на востоке Вятская (вассалитет в 1411—1485 гг.) и Югорская (вассалитет в 1483—1582 гг.) земли, марийский протекторат (1487—1521 гг.) и некоторые другие территории. В ходе второй волны колонизации в XVI—XVII вв. полупериферийными образованиями становятся: Запорожская Сечь на западе; Калмыцкое ханство (вассалитет в 1557—1724 гг.) на юге; вассальные княжества на территории современного Ханты-Мансийского АО (Кодское, Обдорское, Кондинское, Пельмское и др. в XVI в.), Сибирское ханство (вассалитет 1555—1572 гг.) и Ногайская Орда (ограниченный вассалитет в 1555—1634 гг.) на востоке.

К началу XVIII в. успешная колонизация расширяет нишу России с Волго-Окского междуречья до Великой русской равнины на границе Европы и Азии. Перед страной встает вызов — продолжение роста и переход на новые ступени развития связаны с доступом к морям. Попробуем, вслед за Рогачевым²⁶, задаться вопросом: где ближайший к Москве берег мирового океана? Это берег у впадения Невы в Балтийское море — именно там и будет основан Санкт-Петербург. На юге, дальше от Москвы, на донских берегах у Черного моря строятся Азов и Ростов-на-Дону. Пытаясь ухватиться сразу за два моря — Балтийское и Черное — российская колонизация вторгается в традиционные ареалы иных культур: Швеции на севере, Османской империи на юге и Польши между ними. Окончательно оформляется структура российского государства с геополитическим центром, выдвинутым далеко на запад к европейским технологиям и рынкам сбыта, и ресурсной базой, находящейся глубоко в тылу на востоке. Чтобы укрепиться в новой полосе, применяется тот же метод полупериферий. Полуперифериями третьей волны станут: Финляндия (автономия в 1806—1917 гг.) на севере; Царство Польское (1815—1917 гг.) на западе; Бессарабия, Валахия и Молдавия (протекторат в 1774—1856 гг.), Абхазия (автономия в 1810—1864 гг.), Сванетия (автономия в 1812—1833 гг.) на юге; Казахское ханство (протекторат в 1740—1822 гг.), Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства (вассалитет в 1860—1870-е годы), Сахалин (совладение с Японией в 1844—1875 гг.) и некоторые другие образования на востоке. К полуперифериям Российской империи четвертой, незавершенной, волны

²⁶ См. Рогачев [Rogachev] 2005.

можно отнести Туву, Северный Иран, Монголию, Маньчжурию, Ляодунский полуостров, Карскую область, Галицию, Шпицберген и др. Из-за политического кризиса начала XX в. из этих территорий в состав России войдет лишь Тува, и только в середине столетия.

Санкт-Петербург, выдвинутый далеко вглубь Балто-Черноморской системы, зоны соприкосновения западно- и восточноевропейской цивилизационных ниш, мог бы стать лидером второго европейского «пояса городов» на стыке двух культур (Кенигсберг-Калининград, Вильнюс, Варшава, Витебск, Минск, Львов, Киев и др.)²⁷. Однако после распада Российской империи европоцентричный геополитический код России сменяется изоляционистским, и центростремительные процессы возвращают ядро российской государственности в Москву.

²⁷ Ильин, Мелешкина [Il'in, Meleshkina] 2010.

Политико-территориальная система Советской империи также состояла из колец периферий и полупериферий. Первое кольцо полупериферий образовывали союзные республики Прибалтики, Восточной и Юго-Восточной Европы (Украина, Белоруссия, Молдавия), Закавказья и Средней Азии, второе — полузависимые народные республики от Кубы до Вьетнама.

О схожей политико-территориальной стратегии, как нам кажется, можно говорить и применительно к современной России. В качестве полупериферий выступают окраинные Санкт-Петербург, Калининградская область, Северный Кавказ и Дальний Восток, поддерживаемые значительными государственными вливаниями, а также богатый полезными ископаемыми север страны (Ямал, Югра, Якутия, Чукотка и т.д.). Особыми примерами полупериферии являются вассальные по отношению к России частично признанные Абхазия и Южная Осетия и непризнанное Приднестровье.

Таким образом, процесс становления и развития российской государственности, на наш взгляд, есть процесс воспроизводства полупериферий — территорий, формировавших дискурс внутреннего «Другого», усиливавших привлекательность страны в зонах новой колонизации и маргинализировавших внутренние периферийные регионы. Вместо типичной структуры «центр—полупериферия—периферия» в России сложилась структура «центр—периферия—полупериферия». Более того, периферийный слой можно разделить на ряд подслоев, складывавшихся по мере продвижения полупериферии вовне. Наиболее глубокая периферия-I будет располагаться вокруг Москвы в Волго-Окском ядре, далее последует периферия-II в европейской части России и, наконец, периферия-III, охватывающая Урал и Сибирь. Окаймлять же структуру будет полупериферия Санкт-Петербург — Калининград — Кавказ — Забайкалье и Дальний Восток — Север.

Эмпирическая разминка

Эмпирическая верификация представленного массива предположений невозможна без комплексной методологии — от концептуального картирования до глубинного дискурс-анализа. Однако не всегда

сложность метода коррелирует с изяществом тестирования. В нашем случае сама гипотеза требует нетривиального решения, ведь ткань дискурсивных практик, приводящих к искусственной поддержке периферии и маргинализации периферии, очень тонка: она спрятана за «благонадежными» цифрами и красивыми программами и речами. Поэтому мы взяли на себя смелость в качестве эмпирической разминки (до верификации еще далеко) задействовать картографический метод — коль скоро мы пытаемся понять пространственные закономерности, а языком географии остаются карты. В качестве эмпирического материала выбраны специфические данные: статистика использования в регионах отдельных ключевых слов в основной российской поисковой системе Яндекс (по состоянию на 11 мая 2013 г.).

²⁸ [hp://wordstat.yandex.ru](http://wordstat.yandex.ru).

Статистическое приложение системы Яндекс²⁸ позволяет показывать региональный срез статистики различных запросов на карте. Для отображения используется статистический *affinity index* («региональная популярность») — доля, которую занимает регион в показах по данному слову, деленная на долю всех показов результатов поиска, пришедшихся на этот регион. На *рис. 1–7* интенсивность цвета соответствует более высокому значению *affinity index*.

Попробуем представить три механизма государственного строительства в виде ключевых слов и проследим региональные различия в обращении к этим словам. Для иллюстрации «мы-признака» было выбрано слово «русские» (*рис. 1*), а применительно к «нас-признаку» — слова «Европа» (*рис. 2*) и «Китай» (*рис. 3*).

Как видно из *рис. 1*, «мы-признак» в региональном срезе дает относительно ровную картину (с небольшими отклонениями на Северном Кавказе и Дальнем Востоке). Однако при обращении к «нас-признаку» (*рис. 2–3*) мы обнаруживаем существенную региональную дифференциацию, отражающую разницу геополитического позиционирования запада и востока страны.

Рисунок 1 Региональный срез статистики поиска слова «русские»

Рисунок 2 Региональный срез статистики поиска слова «Европа»**Рисунок 3** Региональный срез статистики поиска слова «Китай»

Попытаемся теперь проверить гипотезу о наличии в России периферии и полупериферии. Разница между соответствующими территориями должна выражаться в отношении к центру и распределяемым в нем социальным благам. Для начала возьмем за основу такие поисковые запросы, как «Москва» (рис. 4), «командировка в Москву» (рис. 5) и «назначение Москвой» (рис. 6).

Анализ показывает, что большую зависимость от центра демонстрируют регионы вокруг Москвы и к северо- и юго-востоку от нее (выделенные нами первый и второй круги периферии). Теперь возьмем слово «федерация» (рис. 7), к которому, на наш взгляд, должны обращаться регионы с более самостоятельным позиционированием. Согласно гипотезе, такие регионы должны образовывать окраинную полупериферию.

Рисунок 4 Региональный срез статистики поиска слова «Москва»

Рисунок 5 Региональный срез статистики поиска слов «командировка в Москву»

Рисунок 6 Региональный срез статистики поиска слов «назначение Москвой»

Рисунок 7 Региональный срез статистики поиска слова «федерация»

Таким образом, в России складывается парадоксальная ситуация: в максимальной степени поддерживаемые центром регионы оказываются в ментальной структуре более независимыми от него, чем регионы с относительно высоким потенциалом самостоятельного экономического развития (в том числе центры в Поволжье, на Урале и в Сибири), образующие внутреннюю периферию.

Повторим еще раз: приведенный анализ — лишь разминка, открывающая дорогу более глубоким и системным исследованиям пространственной структуры России в рамках выдвинутой нами гипотезы. Однако уже это «первое приближение» подтверждает наличие в стране пространственной структуры «центр—периферия—полупериферия».

* * *

Межрегиональная дифференциация, основанная на построении образа внутреннего «Другого», является, по всей видимости, одним из ключевых механизмов государственного строительства. В России формирование такого образа происходило за счет воспроизводства полупериферий на окраинных территориях новой колонизации. В результате сложилась структура «центр—периферия—полупериферия», и страна оказалась «вывернута» по направлению к своим дальним рубежам. Подобная ментальная структура, отражающая приоритеты регионального развития страны, не совпадает с экономической, в которой ведущие экономические центры расположены во внутренних районах (прежде всего в Поволжье, на Урале и в Сибири). Это создает вечную дихотомию территориального развития России, мечущейся между централизацией и необходимостью развития регионов.

Библиография

Беляков А.В. 2009. Рождение Касимовского царства // *Историко-географическое наследие провинции*. — Рязань [Beljakov A.V. 2009. Rozhdenie Kasimovskogo carstva // *Istoriograficheskoe nasledie provincii*. — Rjazan’].

Богатуров А.Д. (ред.) 2012. *Экономическая политология: Отношения бизнеса с государством и обществом*. — М. [Bogaturov A.D. (red.) 2012. *Ehkonomicheskaja politologija: Otnoshenija biznesa s gosudarstvom i obshhestvom*. — M.].

Бусыгина И.М. 2006. *Политическая регионалистика*. — М. [Busygina I.M. 2006. *Politicheskaja regionalistika*. — M.].

Гумилев Л.Н. 2001. *Этногенез и биосфера Земли*. — СПб. [Gumilev L.N. 2001. *Ehtnogenez i biosfera Zemli*. — SPb.].

Джонсон К., Коулман А. 2012. Внутренний «Другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // *Культурная и гуманитарная география*. Т. 2. № 2 [Johnson C., Coleman A. 2012. *Vnutrennij «Drugojj»: dialekticheskie vzaimosvjazi mezhdju konstruirovaniem regional’nykh i nacional’nyj identichnostej* // *Kul’turnaja i gumanitarnaja geografija*. Т. 2. № 2].

Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. 2010. *Балто-Черноморье: времена и пространства политики*. — Калининград [Il’in M.V., Meleshkina E.Ju. 2010. *Balto-Chernomor’e: vremena i prostranstva politiki*. — Kaliningrad].

Колосов В.А., Зотова М.В. 2012. Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа? // *Полис*. № 5 [Kolosov V.A., Zotova M.V. 2012. *Geopoliticheskoe videnie mira rossijskimi grazhdanami: pochemu Rossija ne Evropa?* // *Polis*. № 5].

Лазаревич К.С. 2005. Изучение географии России по природным зонам: Смешанные леса // *География*. № 20 (795) [Lazarevich K.S. 2005. *Izuchenie geografii Rossii po prirodnyj zonom: Smeshannye lesa* // *Geografija*. № 20 (795)].

Макаров Н.А. 2009. Археологическое изучение Северо-Восточной Руси: колонизация и культурные традиции // *Вестник РАН*. Т. 79. № 12 [Makarov N.A. 2009. *Arkheologicheskoe izuchenie Severo-Vostochnojj Rusi: kolonizacija i kul’turnye tradicii* // *Vestnik RAN*. Т. 79. № 12].

Мелешкина Е.Ю. 2012. *Формирование новых государств в Восточной Европе*. — М. [Meleshkina E.Ju. 2012. *Formirovanie novykh gosudarstv v Vostochnojj Evrope*. — M.].

Окунев И.Ю. 2011. Политико-географические аспекты государственности (Анализ опыта микросоударств) // *Политическая наука*. № 4 [Okunev I.Ju. 2011. *Politiko-geograficheskie aspekty gosudarstvennosti (Analiz opyta mikrogosudarstv)* // *Politicheskaja nauka*. № 4].

Рогачев С.В. 2005. Понятийный аппарат пространственного анализа // *География*. № 18 (793) [Rogachev S.V. 2005. *Ponjatijnyj apparat prostranstvennogo analiza* // *Geografija*. № 18 (793)].

Роккан С. 2006. Города, государства и нации: пространственная модель изучения различий в развитии // *Политическая наука*.

№ 4 [Rokkan S. 2006. Goroda, gosudarstva i nacii: prostranstvennaja model' izučeniija različij v razvitii // Politicheskaia nauka. № 4].

Тимофеев И.Н. 2008. *Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции.* — М. [Timofeev I.N. 2008. Politicheskaja identichnost' Rossii v postsovetuskij period: al'ternativy i tendencii. — M.].

Тихомиров М.Н. 1979. Залесские города // *Список русских городов дальних и ближних: Русское летописание.* — М. [Tikhomirov M.N. 1979. Zalesskie goroda // Spisok russkikh gorodov dal'nikh i blizhnikh: Russkoe letopisanie. — M.].

Туровский Р.Ф. 2007. *Центр и регионы: проблемы политических отношений.* — М. [Turovskij R.F. 2007. Centr i regiony: problemy politicheskikh otnoshenij. — M.].

Эстеуд Э. 2009. Современная мир-система Валлерстайна // Ларсен С.У. (ред.) *Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза.* — М. [Estewood E. 2009. Sovremennaja mir-sistema Wallersteina // Larsen S.U. (red.) Teorija i metody v sovremennoj politicheskij nauke: Pervaja popytka teoreticheskogo sin-teza. — M.].

Agnew J.A. 2003. *Geopolitics: Re-visioning World Politics.* — L., N.Y.

Cambell D. 1998. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity.* — Minneapolis.

Eriksen T.H. 1995. We and Us: Two Modes of Group Identification // *Journal of Peace Research.* Vol. 32. № 4.

Kuus M., Agnew J. 2008. Theorizing the State Geographically: Sovereignty, Subjectivity, Territoriality // Cox K.R., Low M., Robinson J. (eds.) *The SAGE Handbook of Political Geography.* — L.

Said E.W. 1978. *Orientalism.* — N.Y.

Wallerstein I. 1974. *The Modern World System.* — N.Y.

Yack B. 2001. Popular Sovereignty and Nationalism // *Political Theory.* Vol. 29. № 4.

Yiftachel O. 1998. Nation-building and the Division of Space: Ashkenazi Domination in the Israeli «Ethnocracy» // *Nationalism and Ethnic Politics.* Vol. 4. № 3.